

ОБ ОДНОМ ПИСЬМЕННОМ СВИДЕТЕЛЬСТВЕ МУДРОСТИ ФИЛОСОФА И ИКОННИКА ФЕОФАНА ГРЕКА

Валерий Лепяхин

(Lepahin Valerij, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Orosz Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Наиболее подробные и достоверные сведения об иконнике Феофане Гречине дошли до нас благодаря его младшему современнику – Епифанию Премудрому. Епифаний – выдающийся русский писатель конца XIV – начала XV века, он является создателем житий прп. Сергия Радонежского и Стефана Пермского, которые свидетельствуют о его высокой образованности,¹ знании не только русской, но и византийской агиографии. Некоторые исследователи предполагают, что Епифаний мог бывать в Константинополе, на Афоне и в Иерусалиме (Словарь 1988: 211). Писатель был не только прекрасным стилистом, одним из ярчайших представителей стиля "плетения словес", но и иконописцем или, что вероятнее, миниатюристом, во всяком случае сам Епифаний называет себя в известном Послании, написанном в 1415 году и адресованном аримандриту тверского Спасо-Афанасиевского монастыря Кириллу, изографом.² В Послании Епифаний довольно подробно рассказывает Кириллу о Феофане Греке, с которым он был хорошо знаком, не раз наблюдал за его работой при росписях храмов, копировал его миниатюры для Евангелия. Из Послания Епифания можно почерпнуть сведения и о личности Феофана Грека, и о его мастерстве, и о его манере работать, о храмах, расписанных им, об эстетических взглядах той эпохи (см. Библиотека 1999: 440–443).

Каковы главные особенности Послания Епифания и соответственно особенности образа Феофана, предстающего перед читателем из Послания? Во-первых, иконописец для писателя прежде всего мудрец и философ. Во-вторых, Епифаний отмечает универсализм Феофана: он был стенописцем, иконописцем, миниатюристом и прекрасным знаменщиком: сам работал без прорисей, но для других мог их легко и быстро изготовить. В-третьих, Феофан отличался реалистической новизной в палатном письме, мог писать изображения храмов и

¹ Епифаний знал греческий язык: причем не только читал, но и говорил на нем. Об учености писателя свидетельствует, например, такой факт: в его "Слове о житии и учении Стефана Пермского" встречается 340 цитат из разных книг (см. Словарь 1988: 212).

² Епифаний познакомился с Кириллом в 1408 г. в Твери, куда он бежал со своими книгами из Москвы от нашествия хана Едигея.

целых городов и по памяти, и с натуры, так что можно было их сразу же узнать. В-четвертых, Епифаний утверждает, что Феофан писал без образцов не только простые сюжеты, но и самые сложные, такие, как Древо Иессеево или Апокалипсис. В-пятых, Феофан работал для самых знаменитых людей того времени и был лично знаком с великими князьями Дмитрием Донским и его сыном Василием I, с героем Куликовской битвы Владимиром Андреевичем Храбрым, с митрополитом Киприаном, с известнейшим писателем Елифанием Премудрым, работал с лучшими иконописцами того времени Прохором с Городца, Симеоном (Даниилом) Черным, прп. Андреем Рублевым; возможно, он посетил и Троицкую лавру, а значит застал и прп. Сергия Радонежского, скончавшегося в 1391 году.

Итак, для автора Послания Феофан прежде всего преславный мудрец и зело искусный философ.³ Это достоинство он ставит на первое место, а позже уточняет, что все, кто беседовал с Феофаном, дивились и его разуму, и его притчам-иносказаниям, и искусному изложению мыслей, т.е. Феофан был не только мудр, но и красноречив, впрочем, как и сам автор Послания, который смог оценить этот дар Феофана. Именно философствующий Феофан сильно поразил воображение Епифания, вероятно, потому, что знакомых ему русских иконописцев агиограф не мог отнести к философам. Только на второе место Епифаний ставит Феофана как художника.

Можно обратить внимание на те иконные сюжеты, которые выделяет в своем Послании Епифаний, трактуя их как свидетельство мудрости Феофана. Прежде всего он говорит обо всем, связанном с зодчеством и "палатным письмом". До Феофана Грека на русских фресках и иконах палатное письмо было условно. Иконописец не писал детальный вид конкретного города, который давал бы представление об архитектурных особенностях того или иного города, а просто – град. На иконах чаще всего невозможно отличить один город от другого, например, Иерусалим от Константинополя. И это естественно, закономерно и правильно, это одно из требований иконографического канона. Иконописец изображает не конкретное дерево или куст так, чтобы можно было определить его породу, а просто дерево, просто куст как род или вид растения. Так же он изображает не лицо, а Лик, в котором индивидуальные черты просветлены и возвышены соборными чертами святости, в котором просвечивает единый и общий для всех Образ Божий, по которому Бог сотворил человека. И так называемое палатное письмо давало зодческие типы, а не конкретные произведения архитектуры. Палатное письмо – это земное отражение небесного зодчества, архитектуры Небесного Иерусалима. Именно Горний Иерусалим был архетипом, первообразом для палатного письма. Иконографический канон забо-

³ Кстати, "философом" Феофана называет даже летопись (при сообщении о росписи церкви Рождества Богородицы).

тился здесь также о поддержании молитвенного состояния в молящемся. На иконе не должно быть ничего отвлекающего от молитвы, что вызывало бы желание разглядывать икону, а реалистические детали бесспорно отвлекали бы внимание. Перед иконой человек молитвенно возносится умом к Первообразу Христу и небесным первообразам, а не разглядывает земные образы... И вдруг появляется Феофан. Что нового он принес с собой в области палатного письма? Вместо символического палатного письма он предлагает условно "реалистическое", с узнаваемыми городскими пейзажами. На фресках Феофана уже можно отличить Константинополь от Москвы, в них заметно усилен познавательный элемент, его фрески интересно разглядывать, они "приглашают" к эстетическому восхищению. Молитва невольно отодвигается на второй план, ведь прежде чем помолиться, надо сначала все хорошенько разглядеть.⁴ Фрески его стремятся быть верными оригиналу в буквальном смысле. Символическое палатное письмо, отобраз Небесного Иерусалима подменяется более или менее реалистичным архитектурным пейзажем, в котором главной становится не указание на **небесный архетип**, на первообраз, а на **земной прототип**.⁵ Характерно также замечание относительно интереса, который русские иконописцы проявили к рисунку Софии Константинопольской, сделанному Феофаном. Конечно, это был интерес прежде всего познавательный. Вероятно, не многим из иконописцев довелось побывать в Константинополе и своими глазами увидеть самый большой и красивый православный храм в мире; знали же о нем по описаниям паломников – много. Вместе с тем этот интерес свидетельствует и о привлекательности древней теории искусства как мимезиса, как подражания. Иконописцы уже тоже, вероятно, не понимали, что на иконе храму Святой Софии не обязательно быть в деталях похожим на свой прототип. Наконец, здесь сыграла свою роль и заразительность феофановского искусства.

Какое еще свидетельство мудрости Феофана находит Епифаний? Из множества икон и фресок, написанных Феофаном, он выделяет лишь два изображения: "Древо Иессеево" и "Апокалипсис" в Благовещенском соборе Кремля, причем, Епифаний не уточняет, в какой технике они были созданы – фрески или иконы. Оба сюжета сложны по своей композиции и не столько символичны, сколько аллегоричны. На первой фреске (маловероятно, чтобы это были иконы) изображается отец царя Давида Иессей в лежащем положении. Из его чрева вырастает древо. Ствол его символизирует родословие Иисуса Христа, а ветви –

⁴ Не случайно Феофан с удовольствием расписывал не только храмы, но и жилые помещения во дворцах русских князей.

⁵ Конечно, и земной прототип (Иерусалим, Константинополь, Киев или Москва) архитектурно создавался как земная икона Небесного Иерусалима, но феофановский реализм палатного письма восходит к небесному архетипу уже не прямо и непосредственно, а опосредованно – через красоту земной архитектуры.

побочные родá. Что касается Апокалипсиса, то его писали обычно на западной стене храма. Сохранилось несколько икон с изображением Апокалипсиса разной композиции и разных периодов.

Сразу же после упоминания этих двух сложных сюжетов Епифаний приводит еще одно свидетельство мудрости греческого иконочника: Феофан не пользовался образцами (подлинниками, кальками, переводами), и это поражало всех. Надо, конечно, иметь в виду, во-первых, что Феофан приехал на Русь уже зрелым художником с большим опытом, за его плечами стояли росписи во многих городах Византийской империи, в том числе и в ее столице (более сорока церквей расписал,⁶ – уточняет Епифаний). Вероятно, в своих росписях Феофан многое повторял из того, что уже писал, но русским это было в новинку. Во-вторых, Феофан был исключительно талантливым художником. Ранее он, вероятно, не раз писал с натуры. Во всяком случае он смог тоже без предварительного рисунка написать вид Москвы.⁷

Другое очевидное свидетельство мудрости Феофана состояло в том, что он не только писал без образцов, но во время письма мог разговаривать с приходскими. Если кто-либо приходил и наблюдал за его работой, ему это не мешало, – в это время он мог даже вступить в серьезные разговоры и философские споры. Епифаний как бы разделяет Феофана на несколько автономных "частей": **руками** Феофан писал, **ногами** неустанно стоял (конечно, и ходил, но скорее всего не садился отдыхать, пока не закончит работу), **языком** разговаривал с приходскими, **умом** (умными очами) вперялся в высокое и умопостигаемое, а **чувственными очами** созерцал разумную красоту.

Феофан, конечно, глубоко своеобразный и самобытный иконописец. И это художник нового типа. Он вносит в лики драматизм, психологизм и даже экспрессионизм. Это может быть первый и единственный экспрессионист в

⁶ М. Алпатов (1979: 115) ставит эту цифру под сомнение, видя в ней усеченные "сорок сороков". Однако, работоспособность Феофана, его готовность трудиться с учениками, помощниками и известнейшими русскими мастерами того времени заставляет скорее поверить Епифанию и отвести от него обвинение в преувеличении. Епифаний говорит, что Феофан "своею рукою" подписал все сорок церквей, но это вовсе не значит, что один; практически все мастера-стенописцы работали с учениками. Конечно, в описании Софии Константинопольской у Епифания встречаются явные преувеличения, что ставит под сомнение предположения ученых о посещении им столицы Византийской империи.

⁷ Можно быть благодарным Епифанию и за ироничное замечание относительно "нецѣныхъ нашихъ", т.е. русских иконописцев, которые не столько пишут, сколько водят глазами туда-сюда: от образца на свою икону и обратно. Отметим только, что Епифаний говорит лишь о "нецѣныхъ", т.е. о некоторых, а не обо всех иконописцах, которые не могли работать без образцов, ведь современниками Феофана, как говорилось, были такие русские мастера как Даниил Черный, Прохор с Городца, прп. Андрей Рублев.

православной иконописи. Он пишет святого, находящегося еще только на пути к святости, такого святого, который живет в борьбе со страстями: подвижник еще не преодолел искушения, но он полон решимости выстоять. В святых Феофана есть многое от древних египетских монахов, аскетические писания которых полны рассказов об этой жестокой и неумолимой борьбе с плотью, с искушениями, с многочисленными бесами.⁸ И в этом он также явил свою мудрость.

А сохранилось ли какое-либо конкретное свидетельство мудрости Феофана Грека? В "Слове о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго", написанное, вероятно, Елифанием Премудрым (см. Андрианова-Переца 1947; Соловьев 1961), имеется фрагмент, который многие исследователи долгое время считали неудобопонятным, содержащим сложные философские рассуждения и при издании памятника или совсем пропускали его или публиковали в сокращении. В 1985 году Г.М. Прохорову удалось выделить этот фрагмент из текста и доказать, что это самостоятельное произведение – письмо, которое случайно оказалось в данной части. При его изъятии из текста "Слово о житии" обретает связность и смысл (см. Прохоров 1985; Прохоров 1987: 88–98, 106–110; Прохоров 1996). Приведем это небольшое письмо целиком:

Преподобство твое попросило у нашего художества слово. И мы припадаем к Святому Духу, благодати прося – слова во отвержение уст наших, которое не вредит душе, но скорее веселит. Если даст Святой Дух говорить, как мы хотим, это дело не моего умения, но твоей молитвы.

Знаем ведь ясно: наша жизнь суетна – и мысли, и слова, и дела, – не только левые, но и мнимые правые, за исключением по правильному рассуждению правого. "Бог ведь любовь есть", как мы усвоили из Божественных Писаний, из чего следует, что правое – любовь.

Если случится, досаду от возлюбленного нами, любящему нас, претерпите: если любим любящих нас, по Господнему слову, то ведь мытари и грешники то же творят, заимообразно действуя. Мы же не корыстной любовью любим тебя, но истинной. Но жизнь моя строптивая, не дает мне беседовать с тобою, как хочется.

⁸ В этом смысле прп. Андрей Рублев является его полной противоположностью. Возможно, святые прп. Андрея также прошли через эту невероятную духовную борьбу против лукавого, но они не только выстояли, – они преображены и обожены настолько, что в ликах не видно никаких следов этой былой борьбы. Но так и должно быть. Обожение стирает с лика святого все наносное и проявляет в нем чистейший и незамутненный образ Божий, по которому сотворен человек.

Уподобился я семени тому евангельскому, которое пало в терние и было заглушено, и не смогло плода принести, но лишь сколько ты слышал, столько.

С Господом будь здоров.

(Прохоров 1987: 89–90; ср. Библиотека 1999: 222–223).

После того как Прохоров выделил это произведение из "Слова о жити", он назвал его "письмом к заказчику", т.е. предполагал, что кто-то делает заказ Епифанию написать житие Дмитрия Донского. Но какое отношение это письмо имеет к Феофану Греку? Вполне возможно, – самое прямое. В Погодинском № 27 Апостоле имеется надписание, в котором указаны автор и адресат этого письма: *Посланье мѣжа мѣдра къ преподобномѹ мѣжю, именѣмъ Феофанъ, а емѣже посла, именѣтса Прохоросъ*. Эти две детали и натолкнули Прохорова на мысль отождествить автора письма с иконописцем Феофаном Греком, а получателя с не менее знаменитым иконником той эпохи – старцем Прохором с Городца, с которым греческий мастер расписывал в Москве Благовещенский собор Кремля.⁹ Соображения исследователя можно суммировать следующим образом: во-первых, автор "Слова о жити" (гипотетически – Епифаний) и автор письма – не одно и то же лицо;¹⁰ во-вторых, автор письма Феофан именуется мудрым, а именно так называют Феофана Грека источники того времени; в-третьих, автор называет себя "нашим художеством",¹¹ что указывает на его профессию; в-четвертых, имя адресата имеет греческую форму – Прохорос (а не Прохор); в-пятых, Феофан и Прохор в 1405 году вместе расписывали Благовещенский собор, т.е. были очень хорошо знакомы, возможно, находились в дружбе; в-шестых, рукопись Погодинского Апостола датируется концом XIV века, временем активной работы Феофана на Руси; в-седьмых, эта гипотеза косвенно подтверждает, что именно Епифаний может быть автором "Слова о жити".¹²

⁹ Летопись сообщает об этом следующим образом: *Тое же весны почаша подписывати церковь каменную св. Благовѣщенїа на княза великаго дворѣ не тѣ, иже нынѣ стоитъ, а мастера бѣхѹ Феофанъ иконникъ Гречинъ, да Прохоръ старецъ съ Городца, да чернецъ Андрей Рѣблевъ, да того же лѣта и кончаша ю* (Приселков 1950: 449). Фрески, к сожалению, утеряны, поскольку собор был перестроен, но иконы всех трех мастеров сохранились (см. Маясова 1966).

¹⁰ Если "Слово о жити" написано Епифанием, то автор письма не он.

¹¹ По некоторым спискам читается не *художество*, а *хѹдовѣство*. Прохоров подробно исследовал это разночтение и пришел к выводу, что следует читать все же *художество* (см. Прохоров 1987: 91–93; Прохоров 1996: 63).

¹² См. подробно комментарии Прохорова к данному письму (Библиотека 1999: 549).

Со своей стороны я бы сделал предположение относительно того, как письмо оказалось в рукописи произведения (если, конечно, его автором является Епифаний). Известно, с каким пиететом Епифаний **Премудрый** относился к Феофану **Мудрому**.¹³ Можно не сомневаться, что при удобном случае он старался приобрести произведения Феофана: рисунки, миниатюры, иконы и, вероятно, записки, письма. Епифаний мог знать о письме Феофана Прохору, он мог его просто попросить у Прохора или же унаследовать его после кончины иконописца, поскольку, как можно полагать, Прохор скончался ранее Епифания.¹⁴ Вполне приемлемо и такое предположение. Неизвестно, знал ли Феофан русский язык, скорее всего он его выучил, уже работая на Руси. Но не мог ли Феофан написать (или продиктовать) это письмо по-гречески, а Епифаний перевел на русский, точнее, изложил на русском языке,¹⁵ а затем оставил себе копию? Здесь свое слово должен сказать анализ текста. Имеются ли в нем следы перевода? Можно ли утверждать, что его писал иностранец хорошо владеющий русским языком? Или же он представляет собой древнерусский оригинал? Но в последнем случае надо подивиться знанию русского языка, которое показал Феофан.¹⁶ В любом случае письмо Феофана находилось у Епифания и хранилось в рукописи "Слова о житьи". Поздний переписчик, узнав почерк Епифания, решил вставить его в рукопись, по своему разумению разорвав текст (см. Прохоров 1987: 97–98).

Теперь обратимся к содержанию и композиции произведения. Прохоров отметил удивительную стройность его композиции, назвав произведение "изящной словесной миниатюрой". Он разделил письмо на семь частей, заключающих в себе восхождение и нисхождение: 1) о заказе "слова", 2) о суетности жизни, 3) о своей любви (это **первые три ступеньки восхождения**), 4) о Божественной Любви (это **вершина маленькой лестницы**), 5) опять о своей любви, 6) о "строптивости" жизни, 7) о выполнении просьбы (**три ступеньки нисхождения**). Прохоров обратил внимание также на исклю-

¹³ Здесь можно напоминать, что позже знаменитого иконописца и стенописца Дионисия современники также наименовали "Мудрым".

¹⁴ Епифаний умер в 1420 г., а Прохор вместе с Феофаном упоминается последний раз в 1405 году.

¹⁵ В композиции письма Прохоров находит некоторые общие черты с Посланием Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому, а в наборе затронутых тем – со вступлением к житию свт. Стефана Пермского, также принадлежащим перу Епифания (см. Прохоров 1987: 95, 97).

¹⁶ Если датировать письмо концом XIV века, то Феофан к тому времени прожил на Руси около 15–20 лет. Приехал же он, как говорилось из Феодосии, где жило много русских купцов, и еще там он мог усвоить начатки русской речи. Во всяком случае, его приезд на Русь – и именно в торговый Новгород – не мог быть случайным и неподготовленным.

чительное богатство мыслей, заключенных в письме, несмотря на его небольшой объем. Относительно содержания письма можно сделать несколько наблюдений.

Феофан называет Прохора "преподобным". Здесь уточним, что в Древней Руси – преимущественно в обращениях – так называли просто уважаемых, почитаемых лиц в монашеском и иерейском сане, что зафиксировано многими словарями. Прохор же был не только известным мастером, но монахом и старцем, можно даже предположить, – иеромонахом. Это обращение в качестве официального сохранилось и поныне: *ваше преподобие* и *ваше высокопреподобие* (по отношению к настоятелям, игуменам, архимандритам).

Прежде чем сказать свое "слово" Феофан спрашивает помощи Святого Духа. Но ведь именно Святой Дух является покровителем иконописцев. Об этом напоминают иконописцам все книги: истинную икону творит не человек, не мастер, но Святой Дух. На известных иконах апостола Луки за его плечом изображается Премудрость Божия с восьмиконечным нимбом; она как бы водит рукой евангелиста и "первоизографа".

В письме есть скрытые цитаты из свт. Григория Паламы. Как установил Прохоров, отрывок "еще дасть ми слово подобно въ отвержение усть моихъ" мог быть позаимствован из "Беседования" свт. Григория Паламы "с хионы и турки", которое незадолго до того было переведено с греческого (см. Прохоров 1987: 95, примеч. 21).

В письме несколько раз подчеркивается смирение автора. С одной стороны, это этикетная формула, но с другой, – примета времени. Феофан утверждает: если он и напишет что-то полезное, то не благодаря своим способностям, а по молитвам адресата – Прохора.

Суетность жизни, подчеркнутая автором, – также общее место в словесности того времени, и в христианской литературе в целом. Но у Феофана эта тема стоит на своем месте, поскольку далее речь идет о том, что единственно не суетно.

Разделение на правое и левое в христианской литературе имеет библейские корни. Первое, что вспоминает читатель, – Страшный Суд, на котором праведные и грешники будут разделены именно по этому принципу. Но в православной аскетике "правое" (у Феофана "мнимое правое"¹⁷) – это также искушение чрезмерной ревностью и непосильными подвигами, взятыми на себя подвижником самовольно, а левое – искушение грехом.

Главная тема письма – любовь. Автор напоминает адресату, что высшая добродетель – любовь. Вместе с тем он как бы кается в том, что в нем та-

¹⁷ Ему противопоставлено "правое" по правильному рассуждению, т.е. истинно правое.

кой любви нет. Можно подумать, что адресат много раз просил Феофана написать ему хоть что-нибудь в память их знакомства и дружбы, но Феофан всегда откладывал, а потом и совсем забывал о "долге любви". Теперь наконец-то он пишет письмо, но и оно – очень краткое.

Далее следуют слова, которые, на наш взгляд, проливают свет на отношения Феофана и Прохора. Возьмем на себя смелость предположить, что между автором и адресатом произошло какое-то недоразумение. Вероятно, его причиной стал Феофан. Поэтому он не только напоминает о бескорыстной Божественной Любви, но и призывает Прохора терпеть поношения от всех: и от любящих нас, и от любимых нами, а также уверяет в своей истинной любви к нему.

Единственное, что мешает Феофану показать свою любовь в полной мере, – это его "строптивая" жизнь. Эпитет *строптивый* здесь не может не вызвать особого внимания исследователя. В греческом языке на этом месте могло бы стоять *σκολός*, что значит 'кривой, извилистый' или 'лукавый'; *δύσβατος*, т.е. 'неудобопроходимый', или же *ἀκάθεκτος* – 'необузданный', 'неукротимый', 'строптивый', 'упрямый', 'непокорный'. Как можно понять по контексту, "строптивное житие" – это жизнь, связанная с частыми переездами, с новыми заказами, с работами в разных городах и храмах. Автор письма очень загружен, но, конечно, хотел бы лично увидеться с Прохором. Намек на это адресат мог вычитать у апостола Иоанна, которого Феофан цитирует. Во втором Послании апостол пишет: "Многое имею писать вам, но не хочу на бумаге чернилами; а надеюсь придти к вам и говорить устами к устам, чтобы радость ваша была полна" (2Ин. 1, 12). Третье же Послание апостола Иоанна повторяет это выражение: "Многое имел я писать; но не хочу писать к тебе чернилами и тростью, а надеюсь скоро увидеть тебя и поговорить устами к устам" (3Ин. 1, 13–14). Очевидно, Феофан посылает короткое письмо с надеждой на скорую встречу с Прохором и разговор "устами к устам", а также просит не принимать краткость послания как свидетельство нелюбви, поскольку и для этого краткого письма он с трудом нашел время.

Феофан уподобляет себя семени, упавшему в терние и заглушенному сорняками, а потому и не принесшему плода. Эти слова являются свидетельством смирения Феофана. Но что конкретно он имеет в виду? Сам Иисус Христос так толкует значение этого места притчи о сеятеле: "А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно" (Мф. 13, 22).¹⁸ По кон-

¹⁸ Для сравнения приведем соответствующие стихи в других Евангелиях: "Посеянное в тернии означает слышащих слово, но в которых заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово, и оно бывает без плода" (Мк. 4, 18–19); "А упавшее в терние, это те, которые слушают сло-

тексту можно понять, что Феофан говорит не о богатстве, а о "заботах века сего", т.е. опять о многочисленных заказах на роспись храмов, теремов, на оформление рукописей.

Нельзя не заметить, что Феофан в этом кратком письме показал прекрасное знание Священного Писания: он цитирует или свободно перелагает, как установил Прохоров, Евангелие: Мф. 5, 46; Лк. 6, 32–34, Лк. 8, 7; Ин. 14, 9–10 и Послания апостолов: Еф. 6, 19; 1Ин. 4, 8. Прохоров справедливо называет автора письма "настоящим словесных дел художником". Как "философ" он, вероятно, находился в переписке со многими известными людьми своего времени, среди которых были Прохор и Епифаний. Если это письмо действительно принадлежит Феофану Греку, то оно является бесспорным подтверждением мудрости великого византийского и русского иконописца, а если оно написано на русском языке, то – и свидетельством прекрасного знания русского языка.¹⁹

Отметим также, что в Послании Епифания к Кириллу Тверскому есть несколько строк, которые также непосредственно принадлежат Феофану, но в пересказе Епифания. В ответ на просьбу премудрого агиографа сделать рисунок Святой Софии в Константинополе Феофан ответил: *Не мощно естъ того ни тебе оудичити, ни мне написати, но обаче дождки твоеа ради мало нечто аки ѿ части вписю ти, и то же не такъ ѿ части, но такъ ѿ сооты части, аки ѿ многа мало, да ѿ сего маловиднаго изображеннаго пишемаго нами и прочаа большаа имаши навъцати и раздъмети.*²⁰ Возможно ли данный фрагмент считать

во, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются, и не приносят плода" (Лк. 8, 14).

¹⁹ В упоминавшейся статье Прохорова (1996: 64) на эту тему выдвигается еще одна гипотеза. Дело в том, что "Послание" Феофана в "Слове о житьи" заключено в контекст другого фрагмента, который также легко вычленяется из текста "Слова о житьи", а выделенное и процитированное выше "Послание" Феофана в свою очередь разрывает его. Отсюда Прохоров делает предположение, что "Послание" в "Слове о житьи" можно рассматривать как фрагмент во фрагменте. Этот больший по сравнению с "Посланием" фрагмент косвенно указывает на греческое происхождение его автора. Прохоров оставляет вопрос открытым: либо начало фрагмента в Погодинском Апостоле не принадлежит Феофану, и тогда "Послание" имеет тот вид, в котором оно приведено выше, либо к Феофану восходит предшествующий текст из Погодинского Апостола, но тогда он же является автором и текста из "Слова о житьи", следующего после "Послания". Однако, в этом случае разрывающее большой фрагмент "Послание", считает Прохоров, вряд ли может принадлежать Феофану. Мы считаем это предположение отдельной проблемой и здесь не касаемся ее детального анализа.

²⁰ Ср. перевод всего эпизода: "Он же, мудрец, мудро и ответил мне: "Невозможно, – молвил он, – ни тебе того получить, ни мне написать, но, впрочем, по твое-

принадлежащим Феофану? Учитывая любовь Епифания к иконописцу, – можно. Скорее всего он очень бережно передал слова Феофана. И все же нельзя не обратить внимания на то, что в этом фрагменте, как и во всем Послании, явно слышен голос Епифания. Можно считать, что этот небольшой отрывок косвенно свидетельствует о знании Феофаном латыни, поскольку его *¶* *много* *мало* является, вероятно, переводом известного выражения *pars pro toto*, т.е. часть вместо целого. Феофан рисует "сотую" часть Святой Софии, но так, что по ней можно получить представление обо всем храме.

Все изложенное в данной статье выглядит довольно убедительно, однако, выводы опытейшего ученого Г.М. Прохорова заметно осторожнее. Все же мне не хотелось бы получить упрек в том, что здесь выдается желаемое за действительное: статья нацелена на поиск новых доводов в пользу гипотезы (на мой взгляд – открытия) Прохорова. Воля других исследователей – возразить им или найти опровержения.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов, М. 1979, *Феофан Грек*. Москва.
- Андреанова-Перец, В.П. 1947, Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго. *ТОДРЛ V*. Москва–Ленинград, 90–91.
- Маясова, Н. 1966, К истории иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля. В кн.: *Культура Древней Руси*. Москва, 152–157.
- Библиотека 1999 – Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому. В кн.: *Библиотека литературы Древней Руси, т. 6*. Санкт-Петербург, 1999, 440–443.
- Приселков, М. 1950, *Троицкая летопись. Реконструкция текста*. Москва–Ленинград.
- Прохоров, Г.М. 1985, Непонятый текст и письмо к заказчику в "Слове о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго". *ТОДРЛ XL*. Ленинград, 229–247.
- Прохоров, Г.М. 1987, *Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв.* Ленинград.
- Прохоров, Г.М. 1996, "Посторонние статьи" (в том числе Послание мудрого Феофана) в Погодинском № 27 Апостоле и "Слово о житии и о преставлении Дмитрия Донского". *ТОДРЛ XLIX*. Санкт-Петербург, 59–77.
- Словарь 1988 – *Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1*. Ленинград, 1988.

му настоянию, я малую часть ее напишу тебе, и это не часть, а сотая доля от множества малость; но и по этому малому изображению, нами написанному, остальное ты представишь и уразумеешь". Сказав это, он смело взял кисть и лист и быстро написал изображение храма, наподобие церкви, находящейся в Царьграде, и дал его мне" (Библиотека 1999: 442–443; перевод Г.М. Прохорова).

Соловьев, А.В. 1961, Епифаний Премудрый как автор "Слова о житии и о преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича, царя Русьскаго". *ТОДРЛ XVII*. Москва-Ленинград, 88-89.